

ДЕСЯТЫЙ СЕЗОН

МОЛДАВСКИЙ ТЕАТР ЮНОГО И ДЕТСКОГО ЗРИТЕЛЯ «ЛУЧАФЭРУЛ» — ОДИН ИЗ УЧАСТНИКОВ ЗАВЕРШИВШЕГОСЯ ВСЕСОЮЗНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ, ПОСВЯЩЕННОГО 50-ЛЕТИЮ ВЛКСМ. ЕГО СПЕКТАКЛЬ «БЕССМЕРТНАЯ МОЛОДОСТЬ» УДОСТОЕН ДИПЛОМА II СТЕПЕНИ. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ РАССКАЗЫВАЕТ ТВОРЧЕСКУЮ БИОГРАФИЮ ТЕАТРА, О ЕГО ПОИСКАХ И ОТКРЫТИЯХ.

ЭТОЙ ОСЕНЬЮ молдавский театр Юного и детского зрителя «Лучафэрул» начал свой десятый сезон. Жизнь его складывалась трудно, он пережил смену художественного руководства — один из актеров, стоявших у основания театра, Ион Унгуряну, стал его главным режиссером. Так что прошедшие годы не были годами последовательного развития. И чаще всего казалось, что потенциал «Лучафэрул» выше, чем реальный уровень достигнутого.

Однако что же представляет «Лучафэрул» сегодня?

«БЕССМЕРТНАЯ МОЛОДОСТЬ» — инсценировка фадеевской «Молодой гвардии». В этот спектакль вошли также фрагменты из «Бессмертной молодости» Ливиу Деляну, книг «Слово о сыновьях» З. Главан и «Это было в Краснодаре» К. Костенко, стихи Г. Виеру и Р. Рождественского. Поэзия и проза в этом спектакле (автор композиции и постановщик спектакля Ион Унгуряну) равно необходимы, одно дополняет другое; поэзия не становится выпяченной, а проза не заземляется. Вот отзвучал торжественный реквием, начался спектакль, и мы увидели людей, о которых только что говорили, как о героях легенды, — краснодонских мальчишек и девчонок, захваченных вихрем войны и эвакуации. Героями они станут потом, сейчас все только начинается. Неумолимо и тяжело входят в жизнь война, оккупация. И в серии коротких эпизодов мелькают перед нами пока еще только эскизы характеров. Уля Громова (Нина Водэ) — ее сцена начинается с того самого маленького монолога о лилии, которым открывается роман, но в разговоре с подругой мы уже ощущаем силу ее характера. Любка Шевцова (Еужения Тодорашку) — злая, решительная. Иван Земнухов (Думитру Фусу) — растерян, торопится, как будто не воспринимает еще жестокую реальность происходящего...

Звучит веселенькая фокстротная музыка, тускло отсвечивают металлом кулисы — пришли немцы. Мальчики и девочки должны стать борцами. Как это происходит? Режиссер ограничивает временем спектакля и пространством сцены, но у него есть точный замысел и актеры, способные его выполнять. У каждого из будущих молодоговардейцев рождается личная ненависть к фашизму. Кажется, впервые в инсценировке «Молодой гвардии» появился рассказ Ули Громовой о немце, роющемся в домашнем сундуке, о его черных грязных пальцах, оскверняющих все одним своим прикосновением. Это капля в том море зла, которое принес фашизм, — но, может быть, именно эта капля стала для Ули Громовой решающей, сделала невозможным бездействие. И так — у всех.

Клятва молодоговардейцев воспринимается в спектакле, как итог духовного развития человека. Они шагнули на новую ступень, они действуют — и этот шаг отражается в их характерах... Вот казнь полицая Игната Фомина — ушел в темноту Фомин, за ним скользнули трое, потом они приходят домой, долго, тщательно моют, отмывают руки; безразличность нормальных, чистых молодых людей, которым приходится выполнять грязную работу и отказаться от нее нельзя. Молодогвардейцы дают концерт для оккупантов — гаснет свет, в темноте летят по залу листовки, потом — пожары в городе. А тех, кто на сцене, — Олега Кошевого (Василе Константи), Ивана Туркенича (Ион Горе), Любу Шевцову — риск как будто поднимает, делает еще смелее, и Люба победно танцует на фоне красных сполохов...

«Бессмертная молодость» — один из лучших спектаклей в истории театра «Лу-

чафэрул» (работа удостоена диплома на театральном фестивале в честь 50-летия ВЛКСМ).

ГЛАВНАЯ проблема, стоящая перед театром, — чтобы быть самим собой, необходимо быть современным и национальным. И — вахтанговским, потому что «Лучафэрул» не собирается забывать школу, из которой он вышел.

Среди спектаклей, которые я видел в Кишиневе, — комедия современного писателя Аурелиу Бусуйока, инсценировка «Сорок первого» Бориса Лавренева, русская классика — «Женитьба» Гоголя, молдавская классика — водевиль Василе Александри «Кирица в провинции», «Дуэль» М. Байджиева. Среди этих пьес нет плохих, каждая отвечает какой-то потребности театра и работающих в нем людей. Репетируются или намечены к постановке в близком будущем — чеховская «Чайка», новая пьеса Иона Друцэ «Сеятели холода», отланная драматургом театру. «С любовью не шутят» Мюссе, новая пьеса Бусуйока о героях подполья Молдавии в годы Великой Отечественной войны. Эти планы в сочетании с уже поставленными спектаклями достаточно четко обозначают направление идейных и художественных исканий театра: его интересуют проблемы становления человека, взятые в ситуациях остроконфликтных, решенные в острой сценической форме, — тоже вахтанговская традиция.

Спектакль «Сильнее любви» (это и есть инсценировка лавреневского рассказа) начинается с прохода по сцене вполне современной девушки — модное пальто, высокие сапоги. Остановилась, увидев что-то на полу, подняла: красноармейская шинель времен гражданской войны. Надела ее, надела шлем-буденовку — и сапоги шестидесятих годов оказались частью солдатской формы. Взяла винтовку, прицелилась в освещенную мишень с нарисованным белогвардейцем, выстрелила — мишень перевернулась. И начался спектакль. Созданный в несколько секунд сценический образ необычайно емко.

На перекрестке всех трех элементов «Лучафэрул» — современного, национального и вахтанговского — родился спектакль «Раду Штефан-первый и последний», поставленный по «псевдоисторической комедии» Аурелиу Бусуйока. Пьеса о полугендарном молдавском господаре конца XVI века Раду Штефане, который царствовал всего три дня — если вообще царствовал, — сделана в интеллектуально-иронической «шварцевской» интонации. Ион Унгуряну она поставлена, как откровенная комедия, ярко, зрелищно, весело. Среди комедийных персонажей выделяется Думитру Фусу — он играет бродячего цыгана, который волей судьбы становится министром снабжения у Раду Штефана и оказывается единственным человеком на своем месте. Но в веселой пьесе о превратностях судьбы правителя есть второй план — и, воплощая его, двое актеров играют в ином ключе. Один Думитру Карачобану — Раду Штефан. Сквозь отчаянно осознаваемый актером юмор текста и ситуаций слышна грустная нота — это грусть хорошего и честного человека, и возникает она оттого, что еще не пришло время для таких, как он. У него одна надежда, что три дня его царствования все-таки останутся в истории. Но потом выясняется, что по оплошности летописца Пафнутия уничтожены все хроники, и Раду Штефан войдет не в историю, а разве что в легенду и песню. Он согласен и на это — потому что легенда и песня, пожалуй, еще важнее, чем официальная летопись. Второй актер — Илие Тодоров — Пафнутий. Он начинает и за-

канчивает спектакль, присутствует в нем, почти не участвуя в действии, но становится одной из центральных фигур спектакля. Все происходящее — дворцовые интриги, возвышения, перевороты — становится еще смешнее и нелепее под взглядом этого средневекового интеллигента, эрудита-самоучки, тщательно и прилежно ведущего свою летопись, которая потом пропадет. Комедия остается комедией, не претендующей ни на историчность хроники, ни на многозначительность притчи, но эти двое вносят в нее размышление о судьбах человеческих и судьбах народных. В сочетании, созвучии, взаимодополнении этих двух линий, комедийной и интеллектуальной, — прелесть спектакля.

АКТЕРЫ «Лучафэрул» — тема, которая, конечно, требует особого и более простого, чем возможно на страницах газеты, разговора. В них есть разнообразие и стилистическая гибкость, им доступны и психологическое исследование, и романтическая драма, и все разновидности комедийного стиля. Тот же Думитру Фусу играет в «Женитьбе» Подколесина с точнейшим проникновением в суть гоголевской фантазмагии.

Сандри Ион Шкуря — актер, герои которого отличаются духовным благородством, какой-то очень органичной романтичностью. Он был Фердинандом в «Коварстве и любви», герцогом в «Двенадцатой ночи», а сегодня играет поручика Говоруху-Отрока в «Сильнее любви» — играет просто и сильно, открывая духовную цельность этого человека и именно в ней находя причину его трагического заблуждения. И этот же актер в водевиле Александри играет... господу Кирицу, румынский вариант фонвизинской госпожи Простаковой, — получается комедия на грани гротеска.

ДЕВЯТЬ ЛЕТ. За этот срок актеры «Лучафэрул» приобрели и опыт, и профессионализм, и уверенность. И все же с годами приходят перемены не только к лучшему. Девять лет назад «Лучафэрул» едва ли не больше всего поражаля пластическим мастерством своих актеров — сегодня оно не то чтобы исчезло, но несколько потускнело. А иногда чувствуешь пока еще легкий валец штампа, пока еще умеренную эксплуатацию обаяния или давно, в других ролях, найденных приемов... Но девять лет назад не было той глубины мысли, остроты актерских и режиссерских решений, которую видал сейчас в спектаклях театра.

Для многих актеров, кончающих театральные вузы, голубой мечтой звучат слова — «свой театр», созданный собственными руками и собственными талантами. «Лучафэрул» — такой театр. И сейчас жизнь его не безоблачна, вспомнить хотя бы о маленьком и неудобном его здании, о сцене, лишенной многих необходимых вещей. Не все остаются в театре, созданном своими руками. Уходят, иногда уходят лучшие — это тоже, очевидно, неизбежно, хотя и печально.

Когда перебираешь в памяти события из жизни молодых театров, возникших в последние десять — двенадцать лет и выстоявших, на ум приходит чаще всего слово — самоотверженность. Очень много разных качеств и способностей (не только профессиональных) нужно иметь молодым актерам, чтобы из них получился театр со своей программой и своим художественным лицом. И в том числе обязательно — самоотверженность. В работе, в отношении к делу, в отношении к людям, работающим рядом.

Все это — не только об одном театре «Лучафэрул», но и о нем тоже. Он начал свой десятый сезон, а в каждом театре начало сезона — это пора надежд. Надежды театра «Лучафэрул» имеют под собой вполне реальную почву — он может стать таким театром, каким хочет.

Ю. СМЕЛКОВ.